

РЯДОВОЙ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВ

Первое впечатление никогда не забывается, бывает наиболее острым и ярким. А я увидел впервые Сережу Виктора на фронте, в конце войны, уже в Германии.

Вот каким я его вспоминаю: очки на маленьком вздернутом носе, съехавшая на затылок пилотка, не по худобе широкая мятая форма и очень тонкие, длинные ноги, воткнутые в громадные болтающиеся сапоги.

Заговорил он... И сразу расположил к себе, а немножко смешная, казавшаяся тогда длинной фигура его сделалась мне симпатичной. На него поглядывали с легкой улыбкой.

После Победы нас еще довольно долго не расформировывали, и командование фронтом решило организовать политическую клубную работу. Под «клуб» отвели сохранившуюся часть разрушенного замка с большим залом.

Начали искать художников для оформления, выпуска стенгазет, лозунгов. Обратились к нам во фронтовую газету, и я представил рядового Сергея Виктора, уже хорошо зная его, опытного живописца.

Командующим фронтом был маршал И. Х. Баграмян,

и, насколько я помню, распоряжение, а вернее, предложение, исходило именно от него. Узнав, что на нашем фронте есть такой живописец, И. Х. Баграмян загорелся идеей о создании большой картины «Выход советских войск к Балтийскому морю».

Четко я не помню как, каким образом удалось найти холст, помню только, что из масляных красок нашлось всего несколько цветов. К счастью, белила были в большом количестве, сажа, что-то охристое, немножко из красных...

Вот эта весьма сдержанная гамма красок совершенно неожиданно для меня, обрадовала Виктора. Подрамник сделали быстро, столы были всегда и всюду. Размер оказался очень большой, около четырех метров.

В свободное время я бежал в этот зал. Сергей там просто жил около своей картины. Из-за высоты холста писать часто приходилось со стремянки. Помню его неутомимо работающего, или рисующего в зале какого-нибудь бойца, которого мне иногда удавалось притащить к нему в качестве натурщи.

Виктор написал этот холст феноменально быстро. Это было очень тактич-

ное решение темы, без всякого ложного пафоса, в теплой серой гамме, так характерной для колорита Балтики. Это было монументальное решение, близкое к настенной живописи. Картина имела успех. Когда смотреть ее приехало «большое начальство» и кто-то из генералов спросил автора, Сережу долго не могли разыскать, но, наконец, привели смущенного.

Генерал несколько удивленно разглядывал его и спросил: «Это что же вы один нарисовали?» — и распорядился выдать ему новое обмундирование. Уходя, с улыбкой он сказал: «Жаль поздно, война кончилась, а то ему бы офицерское звание надо...».

Так и вернулся с фронта домой рядовой Викторов. И с тех пор до самой кончины своей оставался «рядовым» (без званий) Сергеем Викторовым, написавшим так много прекрасных вещей.

Я не буду перечислять большой список его работ. Достаточно сказать, что один из лучших, а может, самый лучший портрет В. Маяковского в живописи создан С. Викторовым.

Нет возможности в короткой статье описать нашу

С. Викторов. А. Блок. Двенадцать.

долгую дружбу с Сереей. Хочу только отметить, что постепенно, с годами убеждался, как потрясающе умел он быть сдержанным, прятать горести и невзгоды, стараясь не докучать никому своими переживаниями. И под самым веселым, раскатистым смехом как часто скрывал от других свои страдания.

Я рассказал только о наших первых днях знакомства. Хочу еще совсем коротко вспомнить о последней встрече.

Зашел я как-то к нему в мастерскую, долго говорили о прошлом, о настоящем говорить не хотелось: Сережа должен был в ближайшие дни лечь в больницу.

Совсем в сумерках мы вышли на улицу, и я не сразу понял, почему сейчас в гражданской одежде Сергей вдруг так напомнил мне того солдата в огромных кирзовых сапогах. А он, засмеявшись, показал на свои ноги: его ботинки утопали в огромных калошах. Мы тут, в Москве, давно отвыкли от них, как-то старомодно что ли стало носить их. Но это было характерно для Сережи, который никогда не обращал внимания ни на какую моду: ни в одежде, ни в искусстве.

Он всегда был самым собой. Во всем.

В. МИНАЕВ.

Иск. художник, 1986, 21 февр., №8